

Своеобразие выразительных средств, воплощающих образы детства в мировой художественной культуре

О.О. ГРАЧЁВА,

*доцент кафедры психологии и педагогики
Белгосуниверситета культуры и искусств*

В преподавании отечественной и мировой художественной культуры сегодня сосуществуют две концепции: историко-искусствоведческая и проблемно-тематическая. Во втором варианте процессы художественного освоения отдельных тем и проблем человеческого бытия рассматриваются не только в исторической динамике, но главным образом с позиций сегодняшнего зрителя, читателя, слушателя, т.е. в контексте современной социокультурной ситуации. Проблемно-тематический подход вбирает в себя помимо искусствоведческих и культурологические знания, в частности, аспекты антропологии культуры. Достоинства проблемно-тематического подхода к формированию содержания предмета «Отечественная и мировая художественная культура» — опора на известные учащимся явления искусства, эмоциональная доступность, диалогичность, естественность взаимопроникновения этической, эстетической и аксиологической (ценностной) проблематики. Именно проблемно-тематический подход к формированию содер-

жания образования по обсуждаемому предмету позволяет осуществить востребованный обществом переход от знаниецентристской к культуросообразной школе, к личностно ориентированному образованию.

Программа, опирающаяся на проблемно-тематический принцип, была разработана в нашей республике в середине 90-х годов XX века. Она получила название «Человек в мире культуры». В этой программе есть тема, которая называется «Возрасты человека в искусстве». На наш взгляд, она, с одной стороны, помогает учащимся по-новому осмыслить некоторые хорошо знакомые произведения, расширяет их художественный кругозор, с другой — стимулирует осмысление базовых гуманистических ценностей и, прежде всего, ценностей самой жизни. Надеемся, что эта тема пробудит интерес и у читателей журнала, а также позволит им использовать материалы статьи в практической деятельности.

ЧАСТЬ 1. АРХЕТИПЫ ДЕТСТВА

Тема детства в искусстве по праву может быть названа вечной. Ребенок как символ продолжения жизни всегда притягивал внимание творцов, заставляя искать все более яркие и волнующие средства выразительности для воплощения детских образов. Разумеется, динамика средств, используемых авторами разных эпох и народов при создании образов детства, тесно связана с общей динамикой развития мировой художественной культуры. Однако анализ психологического содержания интересующих нас явлений искусства позволяет обнаружить и иные закономерности. Складывается впечатление, что характер интерпретации темы детства зависит не только от стиля и художественного направления, которых придерживается автор, но и от того, каким он видит этот период жизни человека, что воспринимает в мире детства как значимое.

К числу наиболее древних, традиционных вариантов воплощения темы детства в искусстве можно отнести такие, когда мастер воспринимает ребенка как своеобразный, но все же посторонний личности художника объект изображения. Этот вариант воплощения образов детства в искусстве мы назвали *архетипичным*. В рамках архетипа обнаруживаются два важнейших имманентных (обязательно присущих) свойства детства: во-первых, дети меньше, слабее, простодушнее взрослых, что говорит об их объективной «неполноценности» по сравнению с «большим человеком», и, во-вторых, это детское несовершенство заставляет старших постоянно опекать малышей, заботиться о них и всячески ускорять процессы возмужания. Рассмотрим наиболее характерные произведения разных видов искусства, созданные в рамках указанного варианта восприятия детства.

Наиболее древним представляется тот тип воссоздания образа детства, в котором ребенок представляет собой объект заботы и педагогического воздействия взрослого, пассивно воспринимающий или активно сопротивляющийся этому воздействию. В этом случае все внимание художника сосредоточено на деятельности взрослого. Образы детей схематичны, функционально бедны: они просто присутствуют в пространстве описываемых или изображаемых событий.

Рис. 1. Женщины с детьми. Фрагмент наскальной росписи в Тассили. Неолит

Рис. 2. Е.В. Вучетич. Воин-освободитель. 1948. Модель центральной фигуры мемориального памятника-ансамбля «Воинам Советской Армии, павшим в боях с фашизмом» в Трептов-парке в Берлине. ГТГ, Москва

Рис. 3. А.А. Дейнека. Мать. 1932.
ГТГ, Москва

Такой тип образов детства характерен для искусства первобытного периода, эпохи древних цивилизаций, античности. В последующие эпохи этот тип сохраняется, не претерпевая сколько-нибудь серьезного развития. Чаще всего в рамках указанного типа образов встречаются изображения матери с младенцем (см. с. 2 обложки), эти парные фигурки известны с эпохи неолита (рис. 1). В последующие периоды содержание композиционной пары расширяется: это может быть опекун с младенцем (античные статуи «Гермес с младенцем Дионисом», «Селен с младенцем Дионисом»), наставник и ученик (роспись античного кратера «Афинская школа»), разного рода няни, воспитатели и т.п. с доверенными им детьми. В художественной и художественно-педагогической литературе этот тип образов представлен многочисленными поучениями, наставлениями, исходящими из того же круга взрослых, который присутствует в произведениях изобразительного искусства. В музыке это, главным образом, колыбельные, которые можно интерпретировать как своего рода музыкальное наставление.

Важный поворот в рамках образа ребенок-объект находит искусство критического реализма. В литературе, изобразительном искусстве появляется образ обиженного и даже угнетенного ребенка. При этом читатель (зритель) испытывает не просто сострадание, но желание спасти, помочь, т.е. сделать описы-

ваемое дитя предметом своей заботы и опеки. В качестве примеров можно назвать картины В. Перова «Тройка», «Спящие дети» (см. вклейку), знаменитую жанровую зарисовку «Свидание» В. Маковского и традиционно увязываемый с этой картиной рассказ А. Чехова «Письмо». Подобную функцию выполняет и образ Сережи Каренина в романе Л. Толстого.

Наиболее распространенным вариантом изображения ребенка-объекта вплоть до наших дней остаются образы матери с младенцем. В первую очередь это разнообразные версии Мадонны.

Другой традиционный тип образа детства в искусстве рассматривает ребенка как модель взрослого, отличающуюся лишь размерами и объемом знаний, умений, навыков (рис. 4, 7).

В изображениях детей, принадлежащих к этому образному типу, часто не соблюдаются пропорции детской фигуры, одежда детей копирует в уменьшенном виде моду взрослых, повествование от первого лица, которое часто встречается в рамках этой модели, представляет собой ретроспективный рассказ взрослого — с использованием соответ-

Рис. 4. Огюст Ренуар. На террасе. 1879.
Институт искусств, Чикаго

ствующей лексики и конструкций фраз. Интересно, что даже Пушкин именно таким образом сообщает нам о детстве Петруши Гринева («Капитанская дочка»).

Если ребенок-модель отличается лишь размерами, но демонстрирует высокий уровень познаний или таланта, это приводит взрослых в восторг. Общеизвестно увлечение талантливыми юными музыкантами в эпоху Просвещения. Начало этой моде положили успехи В.-А. Моцарта, возраст которого отец, пользуясь малым ростом и хрупкостью ребенка, намеренно снижал (см. вклейку). Современный автор бестселлеров Б. Акунин в романе «Внеклассное чтение» конструирует образ вундеркинда времен российского Просвещения в духе ироничной стилизации. Этот образ навеян мемуаристикой и иконографией периода, в котором девочек-царевен девяти и десяти лет изображали в сильно декольтированных платьях (рис. 6), а пятнадцатилетний подросток позировал в принадлежащем ему по праву мундире прапорщика Преображенского полка (рис. 5).

Рис. 5. Г.-Х. Гроот. Портрет Бориса-Леонтия Александровича Куракина в детстве. 1748. ГРМ, Санкт-Петербург

Рис. 6. Луи Каравак. Портрет царевен Анны Петровны (1708—1728) и Елизаветы Петровны (1709—1761). 1717. ГРМ, Санкт-Петербург

Детская неумелость вкупе со стремлением подражать взрослому поведению вызывает умиление. На таком эффекте была основана популярность в XVI—XVIII вв. детских театральных трупп. Одна из них конкурировала с самим шекспировским «Глобусом». Дети, подражающие взрослым артистам, казались настолько забавными, что к концу XIX века это стало общим местом. Для Чехова шутка с мальчиком, который басом произносит «Умри, несчастная!», — пример пошлости. Тем не менее, этот прием сохранил свою комическую эффективность до нашего времени. На нем построено множество сюжетов журнала «Ералаш» и телевизионных конкурсов типа «Утренняя звезда».

Простейший вариант образов типа ребенок-модель встречается в искусстве античности, средневековья и раннего Возрождения, а также в Северном Возрождении. В качестве наиболее выразительных примеров приведем скульптурную группу «Лаокоон», где сыновья главного героя отличаются от отца лишь размерами, но не пропорциями. Аналогичным образом можно охарактеризовать скульптурные изображения готических соборов, средневековую и раннеренессансную книжную миниатюру (братья Лимбурги), живопись П. Брейгеля (рис. 8).

Итальянские мастера периода Высокого Возрождения и деятели искусств последующих эпох подметят физичес-

Рис. 7. Бартель Брейн. Портрет дамы с дочерью. Первая пол. XVI в. Эрмитаж, Санкт-Петербург

кие, а затем и психологические различия детей и взрослых и научатся любоваться этими различиями. Дети становятся героями парных и семейных портретов (работы Веронезе, Мантенья, Бронзино). Одетые, как взрослые, помещенные в жесткие условия официального позирования, они все же остаются детьми, и художники с наслаждением передают очарование этой «детскости». Со временем для данной версии образа детства разработали целый арсенал выразительных средств:

- размеры и пропорции фигуры;
- пластика ребенка;
- своеобразие детского лица, кожи и др.;
- детская одежда;
- детские занятия (игры, учеба, увлечения).

В рамках указанной модели длительное время развивалась тема социальной стратификации. В обли-

ке ребенка подчеркивалась его принадлежность к определенному слою общества. Таковы парадные портреты влиятельных особ в детстве, замечательные семейные портреты (от Ван Дейка и Веласкеса до Тропинина и Кончаловского; см. вклейку). Глубоко разрабатывает тему социальной стратификации Марк Твен в романе «Принц и нищий». Этот мотив становится популярным в детской литературе, в нем продуктивны сюжеты сопоставления поведенческих навыков персонажей-ровесников: циркачка Суок в роли куклы и наследник Тутти у Ю. Олеши; встреча Вани Солнцева с «роскошным мальчиком», сыном полка у В. Катаева. На несовпадении поведения детей из семей волшебников и детей из семей «маглов» построены многие эпизоды в книгах Д. Ролинг о Гарри Поттере. Дети, таким образом, становятся, если использовать формулу Маяковского, «не отображающим зеркалом, а увеличивающим стеклом», в котором ярче видны конфликты и нелепости общества взрослых.

Благодаря достижениям психологической науки, в XIX в. начинается подробная разработка темы моделирования отдельных достижений и проблем взрослой жизни в обстоятельствах детства. Здесь, помимо общеизвестных произведений литературы критического реализ-

Рис. 8. Питер Брейгель Старший. Крестьянский танец (фрагмент). Музей истории искусств. Вена

Рис. 9. Микеланджело.
Мадонна у лестницы. Ок. 1490—1492.
Каса Буонарроти, Флоренция

Рис. 10. К.С. Петров-Водкин.
1919 год. Тревога

ма (от «Дэвида Копперфильда» Ч. Дикенса до «Войны и мира» Л. Толстого), хочется назвать тетралогией Н. Гарина-Михайловского, из которой широкому читателю знакомы только фрагменты первой части. Названия романов тетралогии говорят сами за себя: «Детство Тёмы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры».

Искусство XX в. сделало сюжет о судьбоносных эпизодах детства одним из неперемных элементов психологического портрета взрослого героя. Особенно увлечен этим приемом кинематограф, где наплывы с картинами детства давно стали общепринятым элементом сюжета.

Как видим, динамика воплощения в искусстве образа «ребенок — это модель взрослого» движется по пути: от моделирования размеров и физических черт

к моделированию психологических характеристик и стиля поведения.

Зародившийся в недрах эстетики Просвещения сентиментализм и, особенно, полемичный по отношению к просветительской идеологии романтизм выдвинули в центр внимания художников *индивидуальность* личности. Корни индивидуальности логично было искать в периоде детства. Поэтому начиная со второй половины XVIII в. восприятие детства и характер воплощения образов детства в искусстве меняются. На смену двум устойчивым, изначальным, архетипичным образам *ребенка — объекта заботы* и *ребенка — модели взрослого* приходит довольно разнообразная по функциям и эстетическим особенностям палитра вариантов.

Об этом — в следующих номерах журнала.